

Закрой, Зевес, парами облаков
Твое разгневанное небо,
И забавляйся, как мальчишка,
Сбивающий головки у волццов,
Громи дубы и горные вершины,
Моя земля
Останется за мною,
И хижина, что создал я, не ты,
И мой очаг,
Чей жгучий пламень
В тебе тревожит зависть.
Не знаю я под солнцем ничего
Ничтожней вас, богов!
Дыханием молитв
И данью жертв
Свое величие питаете вы скудно,
И умерли бы вы,
Когда бы нищие и дети
В себе не тешили бессмысленных надежд.
Когда я был ребенком,
Когда кругом не видел ясно ничего,
Тогда в бессилии блуждающие взоры
Я к солнцу устремлял,
Как будто там вверху
Был чей-то слух, чтоб внять моим мольбам,
И чье-то сердце, как мое,
Дышало жалостью, тоскуя с огорченным.
Кто мне помог
В борьбе с надменностью титанов?
Кто спас меня от смерти,
Спас от рабства?
Не ты ли все само свершило,
Священным пламенем пылающее сердце?
И благодарностью напрасной

Не ты ли, юное, горело
Тому, кто дремлет в небесах?
Мне чтить тебя? За что?
Усладил ли ты скорби
Утомленного?
Осушил ли ты слезы
Огорченного?
И разве меня
Не создало мужем
Всесильное время
И Судьба довременная,
Мои и твои повелители?
Не мнил ли ты, что я
Возненавижу жизнь,
Бегу в пустыни,
Увидя, что не все исполнились надежды,
Не все мечты цветами расцвели?
Я здесь сижу,
Творю людей,
Подобных мне,
Я здесь творю иное поколение,
Что будет плакать, и томиться,
И ликовать, и бурно наслаждаться,
И презирать тебя,
Как я!

*«Прометей», Иоганн Вольфганг фон Гёте,
перевод К. Д. Бальмонта*

ЗАПИСКИ ГЕРМЕСА

— Не можем же мы просто бросить его на произвол судьбы. — Я посмотрел сначала на Аполлона, а потом на своего отца. Брат сидел на ступенях дома в Монтерее. Сюда мы отступили, после того как битва закончилась ничьей. Мы до последнего надеялись, что к нам присоединятся титаны. Однако Иапет не появился в Митикасе. У Геры по щекам текли слезы. Она избегала встречаться со мной глазами, как и Аполлон. Но, по крайней мере, Агрый тоже не победил. Он заполучил скипетр, а посох как сквозь землю провалился. Это настоящая катастрофа. Без своих регалий Зевс бессилён.

— Прометей сам так захотел, — тихо произнес Зевс. — Это было его заветное желание. — Он все еще выглядел изрядно потрепанным после боя и двигался очень осторожно. — И я пообещал. Если нарушу свое

обещание, то чего в будущем будет стоить мое слово? — Он отвернулся и пошел к Гере, которая стояла в дверях. Ее обнимала и поддерживала Артемида.

— Но он умрет, если ты не позволишь Аполлону его исцелить, — крикнул я ему вслед.

— Это больше не наше дело. — Отец оглянулся и застонал от боли. — Люди должны о нем позаботиться, а вам я запрещаю вмешиваться.

— Аполлон? — Я вопросительно посмотрел на брата. Его рубашка была перепачкана кровью, черные волосы торчали в разные стороны. Он сражался отважнее всех нас и, кроме того, успел перенести Джесс и Прометея в безопасное место.

— Его судьба теперь не в наших руках, — сказал Аполлон и погладил по голове Калхаса, который появился возле него. Волчица Кассандра терлась мордой о ногу Артемиды.

— Поверить не могу, что вы просто от него отказываетесь, — выругался я. — Неудивительно, что он больше не хотел быть частью этого мира.

Туман Аполлона развеялся, и сквозь джинсы я почувствовала под коленками влажный песок. Все тело покрылось мурашками. Мне стало ужасно холодно. Шум боя смолк, как и рев сражающихся. Больше никаких богов, циклопов или других чудовищ. Мы с Кейденом остались одни. Совсем одни. Позади меня волны мягко плескались о пляж.

— Кейден? — всхлипнула я. — Кейден. Пожалуйста, скажи что-нибудь. Хоть что-нибудь. — Где можно до него дотронуться, чтобы не сделать ему больно? Кровь была повсюду. На моих ладонях, руках, у него на лице. Его веки затрепетали, словно он пытался их открыть. Но ничего не вышло. Я этого не хотела. — Ты меня слышишь?

Я сидела на влажном песке рядом с ним и обеими руками зажимала его раны на плече и в боку. Больше ничего сделать не могла. Если побегу за помощью,

он умрет от потери крови. А если останусь с ним, то он все равно умрет, разве что медленнее. Рана в боку, видимо, глубокая. Между моими пальцами равномерными толчками вытекала теплая кровь. Он умрет. И это моя вина. Из-за меня он стал смертным, а следовательно, уязвимым. Почему никто из богов не посчитал нужным рассказать мне, что на самом деле происходит? Почему ничего не говорили о совершенно абсурдном желании Кейдена? Я не могла поверить в то, что только что случилось.

И тем не менее сейчас сидела здесь с ним, а он буквально умирал у меня на руках. На горизонте собиравались густые темно-серые тучи. Море приобрело почти черный оттенок. Тявканье тюленей, к которому я привыкла с детства, сейчас звучало угрожающе. Если разразится гроза, а Кейден к тому моменту не окажется в сухом месте, он умрет. Он уже был весь ледяной и дрожал. Что за жалкие боги! Почему они со мной так поступили? Почему он так со мной поступил? Мне стоило бы его ненавидеть. Но я не находила в себе сил. Кейден выглядел таким уязвимым и человечным, как никогда раньше. Застонав, он выгнулся. Если выживет, я потребую все мне объяснить. Он должен мне это объяснение. Почему Кейден так стремился стать смертным? Почему веками использовал девушек только ради того, чтобы осуществить эту мечту? Девушек, которые влюблялись в него, страдали, которым он разбивал сердца. Как мне. Ему было на них плевать? И на меня тоже? Судя по всему. Он позволил Гефесту сделать мне татуировку, хотя ядовитые чернила могли меня убить. Вряд ли безраз-

личие может выражаться еще очевидней. А главная ирония заключалась в том, что именно татуировка по-настоящему пробудила у Агрия интерес ко мне. С ее помощью я смогла не только распознавать теневых богов, но и прятать себя и других под своеобразным экраном. Зевс наверняка знал, что у меня разовьется эта способность. Лишь при помощи моего экрана Агрию и его сообщникам удалось вернуться в Митикас. Но боги, конечно же, скрыли от меня эту мелочь. Единственное, что было важно Зевсу, — это чтобы я узнала теневых богов, которые бродили по Монтерею. К сожалению, мои способности развивались быстрее, чем ожидалось. Именно этим и воспользовался Агрый. Если бы боги повели себя со мной честно, Кейден сейчас не умирал бы, лежа на этом пляже. Если бы Агрый сверг Зевса, то так тому и надо. Боги играли со мной. Вот что больше всего. За минувшие недели я правда нафантазировала себе, что Аполлон и Афина — мои друзья. Какая наивная! Богам не нужны друзья среди людей.

Я отвела со лба Кейдена окровавленные волосы. После всего что произошло в лагере, мне следовало бы понять, что ему нельзя доверять. Однажды он уже поиграл слишком легкомысленно с моим сердцем. У него посинели губы, от них практически совсем отлила кровь. Я ничего не могла для него сделать, только оставаться рядом, пока все не закончится. Чтобы не всхлипнуть, я стиснула зубы. Никто не заслуживал умирать в одиночестве. Даже он.

Кейден распахнул глаза. Зеленый цвет словно подернулся тенью.

— Джесс, — прошептал он. Я наклонилась ближе к нему. — Я этого не хотел. — Слова с трудом срывались с его губ. — Поверь мне. Пожалуйста, — умолял он из последних сил. — Я... — У него снова закрылись глаза, грудь судорожно вздымалась и опускалась. Кровь начала сильнее пульсировать сквозь мои пальцы.

— Тшшш. Успокойся, — взмолилась я. Это он сможет объяснить мне и позже. Если «позже» наступит. — Лежи тихо. Наверняка вот-вот кто-нибудь придет и поможет нам.

— Но я хочу, чтобы ты знала... — выдавил он и окончательно затих.

— Все будет хорошо, — уверяла я, хоть и знала, что это ложь. Кейден теперь лежал совершенно неподвижно. Мне даже не удавалось понять, дышит ли он еще. Почему я не сунула в карман мобильник, когда за мной пришел Матео? Тогда сейчас вызвала бы «Скорую». Наш дом отсюда хорошо видно, однако казалось, будто между нами и домом на другой стороне улицы простиралось огромное море. Мне потребовалось бы не больше пяти минут, чтобы добежать и вызвать врача. Возможно, даже Шон еще не ушел. Но даже если очень поторопиться... когда я вернусь, Кейден уже умрет. Я не могла его покинуть. У меня на лбу выступил пот. Он не должен умереть! Не здесь. Не так. Почему я вовремя не накинула на нас завесу невидимости? Почему не воспользовалась цепочкой? Ответ звучал очень просто. Я растерялась. Боги сражались друг с другом, а я оказалась между ними. Аполлон обязан был исцелить Кейдена. О чем он только думал, когда бросил его на пляже раненого?

Вдруг на краю дороги кто-то появился. Наконец-то. Моему облегчению не было предела. Не важно, кто это, он должен нам помочь.

— На помощь! — закричала я. — Идите сюда! — Я размахивала рукой в воздухе, чтобы привлечь к нам внимание прохожего.

Фигура побежала, нет, она полетела. Значит, боги все-таки не оставили нас в беде! Пускай это и не Аполлон, но хоть какой-то бог лучше, чем вообще никакого.

— Как он? — Молодой человек не старше меня на вид опустился на колени рядом со мной, сдвинул мою ладонь в сторону, побледнел и подавил рвотный позыв. — Не переношу вида крови, — процедил он. — Сделай что-нибудь.

Серьезно? Он ведь бог, и по Кейдену невозможно не заметить его состояние. Мой голос дрожал от ярости, когда я ответила:

— Где Аполлон? Ему нужен целитель.

Парень сокрушенно взглянул на меня.

— Никто из нас больше не имеет права ему помогать, после того как он стал смертным. Это одно из условий спора. Больше никакого контакта с миром богов. Про сам так пожелал.

Про?

— Тогда почему ты тут? Хочешь понаблюдать, как он умирает?

Парень пробурчал что-то нечленораздельное, сдвинул меня в сторону и поднял Кейдена, хотя тот в итоге лишь еще сильнее побледнел. Как, впрочем, и сам бог.

Кейден застонал, и я с большим трудом вновь прижала руки к его ранам.

— Что ты делаешь? — сердито воскликнула я. — Ты его убьешь.

— Ну, с этим он и сам справился своим желанием, — перебил меня юноша. — Я, конечно, не разбираюсь в искусстве врачевания, но его нужно перенести в тепло.

Тут возразить нечего.

— Вон там впереди наш дом, а друг моей матери — врач, — заговорила я. — Возможно, он сможет как-то ему помочь. Либо я вызову «Скорую помощь».

— Отпусти его, — велел парень и в тот же миг взлетел.

Я побежала следом.

— Почему ты помогаешь нам, если Зевс запретил? — задыхаясь, спросила я.

— Мой отец максимум завтра пожалеет, что не помог ему. Но тогда может уже быть поздно. Зевс иногда просто не видит главного. — Значит, еще один сын Зевса. Надеюсь, он на его стороне. Никаких теней не видно. Ну, хоть что-то.

Мы добрались до дома, и я заколотила кулаком в дверь.

— А еще громче нельзя? — В дверях появилась сердитая Фиби. Затем ее губы сложились в букву «О» и она вжалась в стену, чтобы бог мог внести Кейдена.

— Шон здесь? — спросила я, но Фиби уже давно унеслась прочь, выкрикивая имя маминого друга так громко, что слышал, наверное, весь Монтерей.

Я направилась в свою комнату.

— Клади его на кровать, — скомандовала сыну Зевса я. Мне было страшно проверять пульс Кейдена. Его грудная клетка, в принципе, еще двигалась?

Шон зашел с коричневой сумкой в руках.

— Что произошло? — спросил он, разрезая рубашку Кейдена и профессионально осматривая его раны на плече и на боку. Кожа вокруг них была совсем разодрана. Мой помощник отошел к окну и тихонько боролся с тошнотой. По крайней мере, он не ушел. Я поймала себя на желании взять Кейдена за руку, словно это заставит его не уходить. Он сделал для меня то же самое. Тогда, во время поездки в лагерь. Без него мы с Робин погибли бы. Я в долгу перед ним и теперь верну этот долг. А что будет потом... Подумаю об этом, когда придет время.

— Я нашла его на пляже, — соврала я. — Он уже был ранен. Понятия не имею, что стряслось. Я просто увидела всю эту кровь.

Шон склонился ниже над Кейденом.

— Вероятно, задета артерия, иначе не было бы столько крови. — Мужчина осмотрел рану на плече.

— Он умрет? — Мой голос дрожал так же сильно, как и руки. Кровь была повсюду. От страха сердце забилось так сильно, что я боялась, как бы оно не выскочило у меня из груди.

— Нет, пока я в силах этому помешать, — ответил в этот момент Шон и повернулся ко мне. — Это твой друг, верно? Он недавно к тебе приходил.

Я кивнула.

— Ты должен его спасти, — взмолилась я. — Кейден мне не друг. Никогда им не был.